

ПОСЕЛЕНИЕ ОЛЬГА-10 В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ О МАРГАРИТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

С.В. Батаршев*, Е.А. Сергушева**, О.Л. Морева**,
Н.А. Дорофеева**, Е.Б. Крутых*

Рассматриваются актуальные проблемы изучения маргаритовской археологической культуры Приморья. На основании исследований материалов поселения Ольга-10 разрабатываются технико-морфологические и типологические критерии маргаритовской культуры. Обосновывается хронологическое и стадияльное положение маргаритовских комплексов, делается вывод об их принадлежности к периоду раннего палеометалла. Особый акцент сделан на изучении семян культурных растений с поселения Ольга-10, роли земледелия в жизнеобеспечении носителей маргаритовской культуры.

Ранний палеометалл, маргаритовская культура, типология, хронология, периодизация, земледелие, Приморье, Дальний Восток.

Введение

Начало эпохи металла на юго-восточном побережье Приморья традиционно связывают с появлением и распространением комплексов маргаритовской культуры [Андреева, 1970, с. 126–128; Андреева, Студзицкая, 1987]. К сожалению, долгое время исследователи не располагали материалами однослойных памятников. При отсутствии качественных источников было невозможно однозначно интерпретировать изученные комплексы и предложить развернутую характеристику культуры в целом. Ввиду этого многие вопросы изучения маргаритовской культуры по-прежнему остаются дискуссионными, в том числе: периодизация, стратиграфия, культурно-типологическая номенклатура комплексов; характеристика археологического инвентаря, жилых и хозяйственно-бытовых сооружений; знакомство носителей культуры с металлообработкой и производящим хозяйством и др.

Дальнейшее изучение указанных проблем было невозможно без раскопок хорошо стратифицированных памятников с замкнутыми комплексами, препятствующими горизонтальному перемещению археологического материала (жилища с углубленными в грунт котлованами, хозяйственные ямы). За последние два десятилетия различными исследователями были проведены раскопки на нескольких поселениях, которые можно рассматривать как эталонные памятники маргаритовской культуры: Глазковка-2 [Клюев, Яншина, 1997], Монастырка-3 [Дьяков и др., 2003], Преображение-1 [Слепцов, 2005], Ольга-10 [Батаршев и др., 2011]. Особое значение мы придаем материалам поселения Ольга-10, где изучены замкнутые комплексы маргаритовской культуры, представленные двумя долговременными жилищами, с углубленными в грунт котлованами, очагами и хозяйственными ямами, получена многочисленная коллекция керамических и каменных изделий. Кроме того, здесь проведена водная флотация культурных отложений с целью получения археоботанических остатков. В предлагаемой работе основное внимание уделяется решению проблемы периодизационного положения маргаритовской культуры, а также описанию и анализу археоботанической коллекции.

Археологический комплекс памятника Ольга-10

Памятник Ольга-10 находится на юго-восточном побережье Приморья в устье р. Аввакумовки (рис. 1). Занимает мысовидную оконечность горного отрога высотой около 40 м. Поселение представлено пятью западинами жилищ округлой формы, диаметром 6–6,5 м и глубиной 0,4–0,6 м. Четыре западины расположены в ряд в западной части поселения, еще одна — на удалении в его восточной части. Раскопки 2010 г. охватили два смежных жилища в западной части поселения (общая площадь раскопа составила 113 м²).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-12027 офи-м «Земледелие в периферийных районах восточно-азиатской геоэкологической зоны (причины появления, динамика, место в системах жизнеобеспечения)».

Поселение Ольга-10 в Юго-Восточном Приморье: новые материалы к дискуссии...

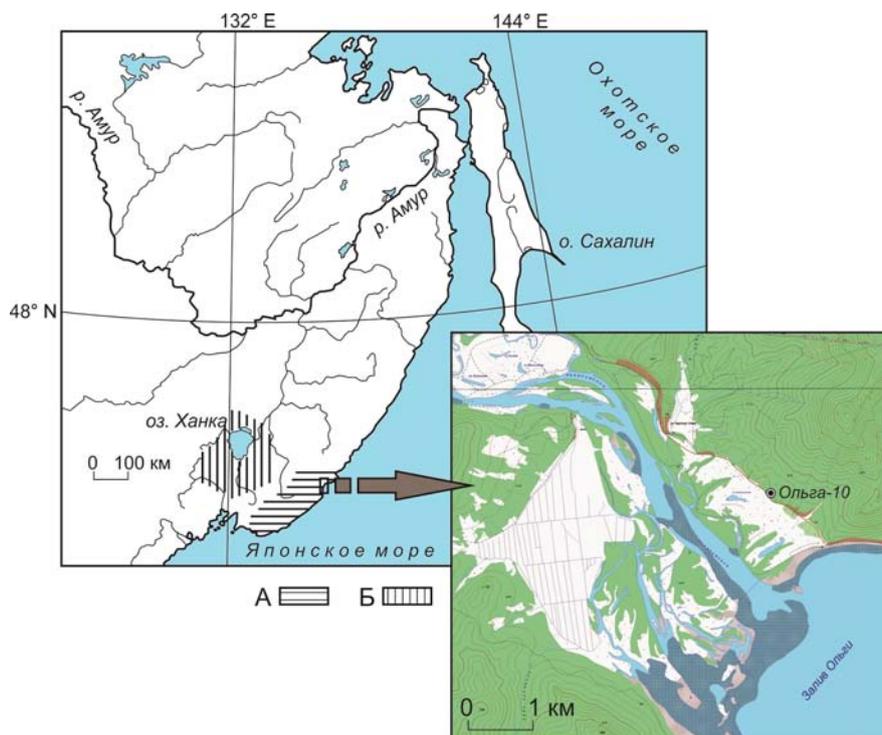

Рис. 1. Распространение памятников маргаритовской (А) и зайсановской (приханкайский вариант) (Б) культур в Приморье.

Жилище № 1 ориентировано по сторонам света, котлован квадратной формы (5,3х5,4 м, глубиной 0,3–0,4 м), общей площадью около 29 м². По центру котлована расположен прямоугольный очаг с углубленным основанием (№ 1). Возле восточной стенки котлована выявлен еще один углубленный очаг округлой формы (№ 2). С внешней стороны к северо-восточному углу жилища примыкает крупная хозяйственная яма овальных очертаний, в которой найдено семь керамических сосудов. На полу жилища расчищено не менее 27 столбовых ям.

Жилище № 2 было ориентировано по сторонам света, его котлован квадратной формы (6х7 м, глубиной 0,4–0,6 м) со скругленными углами, общей площадью около 42 м². К северо-восточному углу жилища примыкает хозяйственная яма с тремя керамическими сосудами. На полу жилища выявлена 61 столбовая яма, а также три хозяйственные ямы и четыре ямы неопределенного назначения.

По древесному углю из заполнения котлованов обоих жилищ получены радиоуглеродные даты: жилище № 1 (уголь из очага № 2) — 3300±45 л.н. (СОАН-8365), жилище № 2 (уголь от сгоревшей конструкции кровли) — 3515±65 л.н. (СОАН-8366), 3370±55 л.н. (СОАН-8367).

Коллекция археологического инвентаря памятника включает изделия из камня и керамики. Различий культурно-хронологического характера в материалах жилищ № 1 и 2 не выявлено.

Каменная индустрия поселения основана на использовании отщепов и удлиненных сколов в качестве заготовок для производства орудий; преобладании техник краевого и сплошного двухстороннего ретуширования; применении техники шлифования исключительно для производства украшений (бусин). Среди ретушированных изделий можно выделить несколько ведущих типов: треугольные наконечники стрел со скошенным насадом (рис. 2, 4); ромбически-черешковые наконечники стрел (рис. 2, 5); треугольно-черешковые наконечники стрел (рис. 2, 6); треугольно-удлиненные сверла (рис. 2, 11); треугольно-асимметричные вкладыши (рис. 2, 7, 8); треугольные вкладыши с асимметричной ретушью (рис. 2, 9); концевые скребки трапециевидно-удлиненной формы (рис. 2, 10).

Керамика Ольги-10 выглядит довольно однообразно. Для нее характерны следующие признаки: использование для приготовления глиняного теста минерального отощителя, в том числе дробленой породы (дресвы); покрытие стенок сосудов ангобом; сборка емкостей ленточно-кольцевым налепом по донной программе; оформление венчиков налепным валиком-карнизом;

сочетание в комплексе горшковидных сосудов со слабо выделенной горловиной и различных по форме чаш; орнаментация сосудов в накольчатой и накольчато-отступающей технике; нанесение орнамента преимущественно на верхние грани наlepных валиков (рис. 2, 16–21).

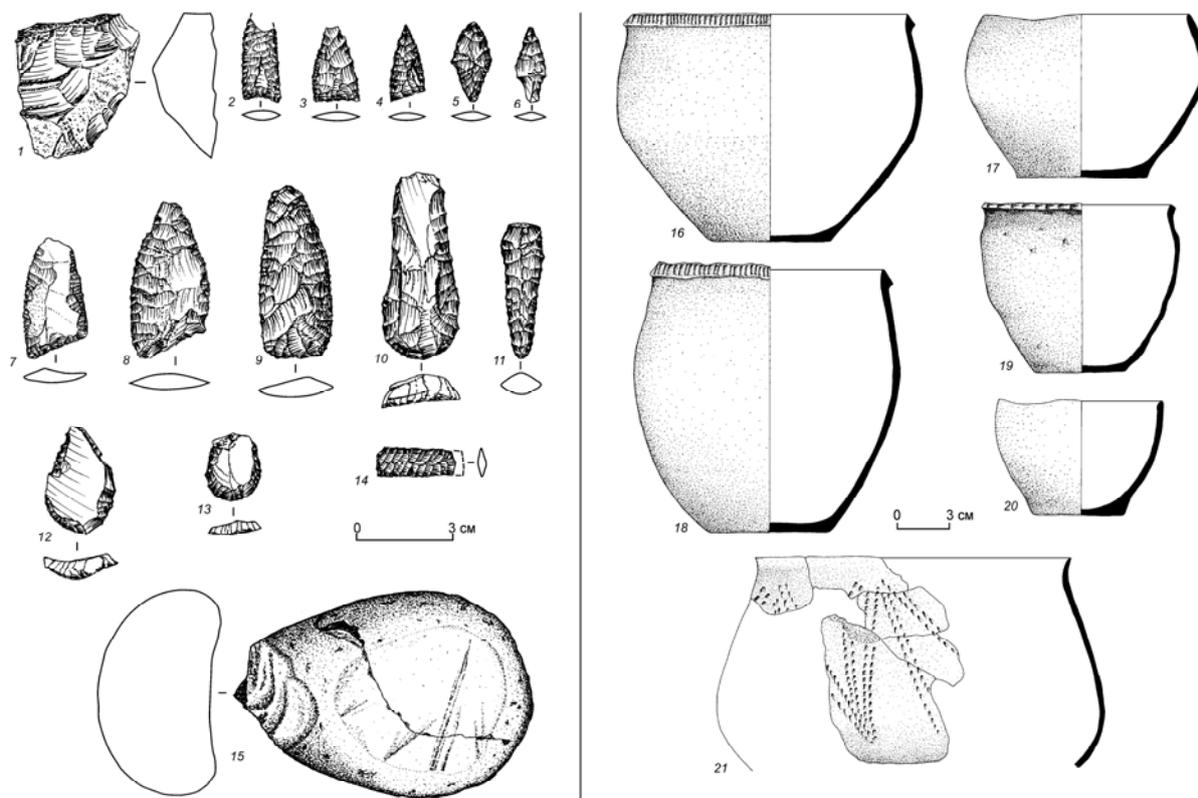

Рис. 2. Памятник Ольга-10. Изделия из камня (1–15) и керамики (16–21) маргаритовской культуры.

Помимо находок маргаритовской культуры, в жилище № 2 обнаружено несколько фрагментов керамики, не связанных с основным комплексом памятника и относящихся к более раннему этапу его заселения. Это фрагменты горловин с отогнутым венчиком, под которым прикреплен округлый в сечении наlepной волнистый валик. Подобные изделия известны в поздненеолитических комплексах поселений Рудная Пристань [Дьяков, 1992] и Валентин-перешеек [Валентин-перешеек..., 1987]. На Ольге-10 керамика этого типа встречается на плечах жилища № 2 и за его пределами. В частности, горловина сосуда была обнаружена на юго-западном участке плеча в слое, который для жилища № 2 являлся «материковым». Судя по малочисленности находок, поздненеолитическая керамика маркирует остатки кратковременной стоянки, которая была разрушена при строительстве маргаритовских жилищ. Авторы уже обращались к проблеме однородности маргаритовских комплексов, отмечая, что на некоторых памятниках (например, Киевка, Гроты) маргаритовская керамика смешана с зайсановской керамикой позднего неолита, причем относящейся к разным локально-хронологическим вариантам. На памятниках с «чистыми» маргаритовскими комплексами такая примесь отсутствует (Монастырка-3, Преображение-1) или четко выделяется стратиграфически и планиграфически (Глазковка-2, Заря-3, Ольга-10). В связи с этим есть все основания для исключения зайсановского компонента из типологического списка маргаритовской культуры [Батаршев и др., 2011].

Результаты археоботанических исследований

Для получения карбонизированных семян и плодов (карпоидов) растений на памятнике было профлотировано 487 л грунта с пола обоих жилищ, получено 35 проб. Из них результативной оказалась 31 проба, содержащая 106 экз. семян и плодов (или их фрагментов). Среди них были идентифицированы карпоиды культурных, дикорастущих пищевых и сорных/фоновых растений (табл. 1).

Количественные данные о флотационных пробах поселения Ольга-10

Археологический комплекс	Количество профлотированного грунта, л	Число полученных проб	Число результативных проб	Количество грунта результативных проб, л	Число обнаруженных карпоидов	Количество фрагментов древесины со следами обработки	Насыщенность культурного слоя карпоидами. Число карпоидов на 1 л грунта
Жилище № 1	61	5	4	43	22	0	0,36
Жилище № 2	426	30	27	Нет данных	84	27	0,19
Общие подсчеты	487	35	31	Нет данных	106	27	0,21

Остатки культурных пищевых растений представлены единичными зерновками двух видов культурного проса — итальянского (*Setaria italica*) и обыкновенного (*Panicum miliaceum*). Они обнаружены только в пробах из отложения жилища № 2. Их отсутствие в пробах из жилища № 1 объясняется низкой насыщенностью карпоидами культуросодержащих отложений памятника и небольшим количеством профлотированного грунта из этого жилища.

Всего найдено 15 зерновок культурного проса, видовая идентификация 13 из них не вызывает сомнений. Остатки проса итальянского представлены 8 зерновками в 5 пробах (табл. 2). Их морфология типична для данного вида: слегка овальное или округлое очертание, уплощенное брюшко, что отчетливо фиксируется у наименее деформированных экземпляров, неширокая зародышевая впадина в форме перевернутой «V» занимает до 3/4 длины зерновок. Из-за карбонизации у большинства зерновок увеличена и видоизменена боковая проекция. Она имеет подквадратную форму с хорошо различимым желобком в месте стыковки брюшной и боковой сторон, образовавшимся при карбонизации. У одной из обнаруженных зерновок сохранился небольшой фрагмент внешней цветковой чешуи. На его поверхности хорошо прослеживаются мелкие складочки горизонтальной направленности. Совокупность этих морфологических признаков позволяет надежно идентифицировать данные зерновки. Кроме описанных имеется одна зерновка с не столь однозначной морфологией (проба № 29). Из-за нечетких морфологических признаков она идентифицирована как напоминающая просо итальянское (cf. *S. italica*). По-видимому, данная зерновка подверглась более сильной деформации, так как не была достаточно вызревшей на момент карбонизации.

Размеры зерновок проса итальянского с поселения Ольга-10 могут быть названы стандартными (табл. 2) и сравнимы с размерами аналогичных находок с поселения периода позднего неолита Реттиховка-Геологическая (1,2–1,14–0,85 мм) [Сергушева, 2006].

Остатки проса обыкновенного представлены 6 зерновками в 6 пробах. В отличие от проса итальянского они имеют овальное очертание, более широкую и короткую зародышевую впадину и выпуклую брюшную поверхность. У некоторых зерновок на брюшной и боковой поверхностях фиксируются небольшие складки, отсутствующие у зерновок итальянского проса. Цветковые чешуи отсутствуют у всех зерновок. По всей видимости, они были удалены в древности при обмолоте. О размерах обнаруженных зерновок судить сложно из-за их фрагментированности и малочисленности. Учитывая размеры наиболее сохранных, можно предположить, что в среднем они могли иметь длину от 1,5 мм, ширину от 1,2 мм и толщину от 1,06 мм (табл. 3).

Примерно такие же размеры зафиксированы у подобных находок с археологических памятников Приморья периодов позднего неолита и палеометалла (табл. 4). Сравнение таких параметров, как индекс отношения длины к ширине и индекс отношения толщины к ширине у зерновок проса обыкновенного с поселения Ольга-10 и других памятников, выявило их некоторое сходство по первому параметру с зерновками проса обыкновенного I типа с поселения Реттиховка-Геологическая. Значение этого показателя (более 120 %) свидетельствует о вытянутых очертаниях данных зерновок, в то время как зерновки проса обыкновенного с других памятников, указанных в табл. 4, имеют индекс около 100 %, что соответствует почти округлому их очертанию².

² Значение индексов отношения толщины к ширине из табл. 4 не анализируется, так как у зерновок пшеничных растений значения толщины при карбонизации подвержены большим изменениям.

Таблица 2

Размеры зерновок проса итальянского из котлована жилища №2 поселения Ольга-10

№	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Соотношение длина/ширина, L/B×100, %	Соотношение толщина/ширина, T/B×100, %	Местонахождение пробы и ее списочный номер	Примечание
1	1,4	1,1	1,0	127	91	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. Ж/15, 16; № 9	Деформирована в боковой проекции
2	1,05	1,1	0,9	95,5	82	Пол жилища, черно-коричневая мешаная углистая супесь, хозяйственная яма № 2, кв. Ж, 3/14, 15; № 10	Деформирована в боковой проекции
3	1,2	1,4	1,1	86	79	Там же	Хорошая сохранность
4	1,6	Более 1,2	—	—	—	Там же	Фрагмент с цветковой чешуей
5	1,35	1,15	—	117	—	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15–18; № 16	Деформирована, особенно в боковой проекции
6	1,15	1,2	1,1	96	92	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. И/16; № 26	Деформирована в боковой проекции
7	—	1,0	0,8	—	80	Пол жилища, серо-коричневая супесь, яма № 40, кв. Г, Д/16; № 33	Деформирована
8	—	0,9	—	—	100	Там же	Деформирована, идентификация предварительная
9	1,15	1,0	0,8	115	80	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. Ж, 3/12, 13; № 29	Невыположена, идентификация предварительная
Среднее	1,26	1,12	0,95	112,5	85		Просчитано по четырем (№ 1–4) зерновкам

Таблица 3

Размеры зерновок проса обыкновенного из котлована жилища № 2 поселения Ольга-10

№	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Соотношение длина/ширина, L/B×100, %	Соотношение толщина/ширина, T/B×100, %	Местонахождение образца и его списочный номер	Примечание
1	1,5	1,2	1,0	125	83	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 19	—
2	1,55	1,3	1,3	119	100	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 22	Деформирована в боковой проекции
3	1,65	1,1	1,2	150	109	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 28	Идентификация предварительная
4	1,65	1,3	0,9	127	69	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 31	Зерновка хорошей сохранности
5	Более 1,4	1,4	Более 0,9	—	—	Пол жилища, серо-коричневая супесь, яма № 16, кв. Д, Е/13; № 32	Фрагментирована, с характерным рисунком поверхности
6	1,2	1,18	1,0	102	85	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. Ж, 3/12, 13; № 34	Невызревшая зерновка хорошей сохранности
Среднее	1,59	1,23	1,1	129	89	—	Просчитано по четырем (№ 1–4) зерновкам

Средние размерные показатели зерновок проса обыкновенного с археологических памятников позднего неолита и эпохи бронзы Приморья

Памятник	Период	Средние размеры зерновок — длина (L), ширина (B), толщина (T), мм	Индекс отношения длины к ширине, L/B×100, %	Индекс отношения толщины к ширине, L/B×100, %	Примечание
Ольга-10	Ранний палеометалл	1,59-1,23-1,1	129	89	—
Гвоздево-4	Поздний неолит	1,63-1,65-1,43	99	87	—
Новоселище-4	Поздний неолит	1,55-1,51-1,19	103	88	—
Реттиховка-Геологическая	Поздний неолит	1,66-1,35-1,0 1,54-1,48-1,11	123 104	77 75	Зерновки I типа Зерновки II типа
Новоселище-4	Ранний палеометалл	1,59-1,55-1,19 1,43-1,44-1,03	103 99	77 72	5 пласт отложений 3 пласт отложений
Анучино-14	Ранний палеометалл	1,66-1,67-1,32	99	79	—

Остатки дикорастущих пищевых растений представлены фрагментами плодов дуба, сосны, маньчжурского ореха и лещины. Всего в коллекции обнаружено 57 фрагментов, все они имеют мелкие размеры. Преобладают среди них фрагменты скорлупы ореха маньчжурского (*Juglance mandchurica*) и остатки желудей дуба (по-видимому, монгольского — *Quercus mongolica*). Меньше встречено фрагментов скорлупы ореха лещины (*Corylus* sp.). Скорлупа ореха сосны (*Pinus koraiensis*) представлена единичным экземпляром.

Семью семенами представлены *остатки растений* фоновой и/или сорной растительности. Среди них идентифицированы горцы, марь, подмаренник и горошек. Из 106 карпоидов, найденных на поселении, не удалось идентифицировать 21 семя.

В целом археоботаническая коллекция поселения Ольга-10 отличается низким содержанием карпоидов. В среднем на 1 л грунта приходилось менее одного семени (средний показатель — 0,22) (табл. 1). Это дополнительное свидетельство краткосрочности периода функционирования жилищ.

Самым важным результатом изучения этой коллекции безусловно стали находки остатков культурных растений. Всего найдено 15 зерновок двух видов культурного проса. Первоначально их интерпретация вызвала сомнения, так как малочисленность этих находок, казалось бы, не подтверждала существование у обитателей поселения Ольга-10 собственного земледелия. Однако количественные соотношения между семенами культурных, дикорастущих, фоновых и неидентифицированных растений хотя и свидетельствуют о преобладании остатков пищевых дикорастущих растений, но дают основания предполагать более значительную роль культурных растений. Процентные подсчеты содержания семян растений во флотационных пробах из заполнения жилища № 2 показали, что на долю зерновок обоих видов проса приходится 18 % от общего числа обнаруженных карпоидов при 50 % остатков пищевых дикорастущих растений (табл. 5). Заметим, что существование земледелия у носителей зайсановской культуры в позднем неолите Приморья доказано на основе археоботанических данных, среди которых находки семян культурного проса составляли от 2 до 4 % (поселение Кроуновка-1) [Сергушева, 2008б, с. 187].

Дополнительным аргументом в пользу существования земледелия у носителей маргаритовской культуры служат археоботанические данные жилища № 1 поселения Заря-3³, где во флотационных пробах, взятых рядом с очагом, среди единичных находок карпоидов зафиксированы четыре зерновки просяных растений [Cassidy, 2004, p. 401–404]. Одна из них идентифицирована как возможно принадлежащая культурному виду рода щетинник (*Setaria* sp.), очевидно просу итальянскому (*S. italica*). Она имеет уплощенное брюшко, крупную со сходящимися краями зародышевую впадину. Ее длина 1,4 мм, ширина 1,0 мм, толщина из-за неудовлетворительной сохранности не замерялась. Остальные зерновки имели худшую сохранность. Две из них отнесены к щетиннику или куриному просу (*Setaria* sp./*Echinochloa* sp.). Размеры одной из них 1,3–1,2–0,7 мм. Четвертая зерновка определена как напоминающая просо обыкновенное (cf. *Panicum miliaceum*). Она сильно деформирована и фрагментирована. От других зерновок ее

³ Видовые определения археоботанической коллекции памятника Заря-3 осуществлены Е.А. Сергушевой.

отличают более крупные размерные значения (длина около 1,8 мм, ширина 1,7 мм, толщина около 1,6 мм).

Таблица 5

Общее число находок карпидов и их соотношение в коллекции поселения Ольга-10

Группа растений	Жилище № 1	Жилище № 2		Всего	
	Количество, шт.	Количество, шт.	%	Количество, шт.	%
Культурные	—	15	18	15	14
Пищевые дикорастущие	15	42	50	57	54
Фоновые / рудеральные	1	6	7	7	6,5
Неидентифицированные	6	21	25	27	25,5
<i>Итого</i>	22	84	100	106	100

Дж. Кэссиди, анализирувавший материалы памятника Заря-3, считал, что эти зерновки являются остатками культурного проса и предлагал два возможных варианта их происхождения. Согласно первому, они могли оказаться у обитателей Зари-3 в результате взаимодействия с населением континентальных районов Приморья. Другой вариант не исключал возможность существования земледелия у населения маргаритовской культуры, но при этом исследователь подчеркивал отсутствие находок земледельческих орудий на маргаритовских памятниках [Cassidy, 2004, p. 385, 434].

Вопрос об истоках земледелия у носителей маргаритовской культуры представляется далеким от окончательного решения. Археоботанический материал поселения Ольга-10 позволяет пока лишь выявить степень его сходства/различия с аналогичными находками с других синхронных или хронологически близких памятников Приморья. Серия ¹⁴C-дат для памятников маргаритовской культуры (3600–3300 л.н.; табл. 6) показывает, что они функционировали в то время, когда в Юго-Западном Приморье на территории Приханкайской равнины и по ее обрамлению были распространены памятники приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры (3900–3300 л.н.). Археоботанические данные, полученные для ряда этих поселений, свидетельствуют о существовании у данного населения земледелия, основанного на выращивании проса обыкновенного и итальянского [Сергушева, 2008б].

Таблица 6

Радиоуглеродные даты маргаритовской культуры Приморья

Памятник	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Индекс и номер даты	Материал	Примечание	Источник информации
Глазковка-2	3605±35	AA-37114	Уголь	Жилище	[Яншина, Ключев, 2005а, с. 183]
	3580±40	UCR-3773			
Заря-3	3570±60	Beta-133846	Уголь	Участок А, жилище № 1	[Cassidy et al., 2003, с. 301]
	3520±40	Beta-172570		Участок В, жилище № 5	
	3540±70	Beta-172573			
Преображение-1	3510±70	Beta-172568	Уголь	Жилище № 11	[Слепцов, 2005, с. 157]
Монастырка-3	3420±40	ГИН-10218	Уголь	Жилище	[Дьяков и др., 2003, с. 147]
	3340±40	ГИН-10219			
	3400±40	ГИН-10220			
Ольга-10	3300±45	СОАН-8365	Уголь	Жилище № 1	—
	3515±65	СОАН-8366		Жилище № 2	
	3370±55	СОАН-8367			

Поселения других локально-хронологических вариантов зайсановской культуры не демонстрируют такого «единства» в наборе культурных растений. Так, на Гвоздево-4 (4130±40 л.н.) из остатков культурных растений зафиксированы только семена проса обыкновенного [Крутых и др., 2010, с. 185–186, 189]. На поселении Зайсановка-1 (4010±44 л.н., 3972±31 л.н.) [Кroupovka 1..., 2004, p. 54] в заполнении котлована жилища обнаружены семена двух видов проса. Одно — итальянское, другое — не идентифицированное до вида растение рода куриное просо (*Echinochloa* Beauv.). Его семена имеют морфологические признаки, которые могут быть расценены как переходные от дикорастущего (*Echinochloa crusgalli*) к культурному (*E. utilis*) [Сергушева, 2008б, с. 188].

Сведения о находках культурных растений Приморья на более поздних памятниках эпохи бронзы малочисленны. Семена культурных растений найдены на двух многослойных поселениях в отложениях, датируемых периодом палеометалла,— Новоселище-4 (2980±50 л.н.) [Сергушева, Ключев, 2006, с. 119] и Анучино-14 (2640±55 л.н.) [Яншина, Ключев, 2005б, с. 207]. В обоих случаях эти остатки представлены только зерновками проса обыкновенного [Сергушева, 2008а, с. 20; Сергушева, Ключев, 2006].

Таким образом, археоботанические материалы свидетельствуют о сходстве набора культурных растений у носителей маргаритовской культуры и приханкайского варианта зайсановской культуры и о вероятном отсутствии такого сходства между маргаритовскими поселениями и поселениями последующих культур эпохи бронзы. Это может служить наряду с другими наблюдениями косвенным основанием для предположения о различном происхождении (и, возможно, ином векторе движения) маргаритовского населения и носителей культур раннего палеометалла, известных в континентальной части Приморья.

Собирательство дикорастущих растений обитателями поселения Ольга-10 реконструируется условно, так как количество обнаруженных остатков дикорастущих растений и их видовой набор невелики. Но показательно, что эти остатки составляют почти половину всех карпоидов из археоботанической коллекции памятника. Это можно расценивать как свидетельство широкой эксплуатации дикорастущей флоры. Но с другой стороны, нельзя забывать о тафономических аспектах формирования археоботанических источников. Карпоиды с плотной оболочкой (к которым относятся орехи) изначально лучше сохраняются в отложениях археологических памятников и преобладают среди остатков других объектов собирательства, что искажает существовавшие в древности реальные соотношения между ними. В то же время в коллекции поселения Ольга-10 присутствуют находки желудей дуба. Так как желуди плохо сохраняются в отложениях археологических памятников Приморья, данная находка может расцениваться как показатель относительно высокой насыщенности заполнения жилища этой категорией карпоидов и соответственно широким использованием этого вида пищевых дикорастущих ресурсов. Материалы памятника Заря-3 подтверждают этот вывод [Cassidy, 2004].

Обсуждение результатов

Комплекс археологических и археоботанических материалов поселения Ольга-10, в совокупности с данными других памятников Приморья, позволяет перейти к рассмотрению некоторых дискуссионных проблем. Наиболее актуальной из них является проблема стадийного положения маргаритовских комплексов. Ряд авторов, основываясь на анализе материалов поселений Глазковка-2, Заря-3 и Преображение-1, считают, что признаки, характерные для гончарства и каменной индустрии этой культуры, соотносятся скорее с неолитом, чем с эпохой палеометалла. По их мнению, на неолитический возраст указывает хронология маргаритовских комплексов и отсутствие в них находок металлических изделий и их реплик [Ключев и др., 2010; Яншина, Ключев, 2005а, б; Cassidy et al., 2003]. Действительно, на маргаритовских поселениях не обнаружено прямых свидетельств знакомства их обитателей с металлообработкой или металлическими изделиями. Поэтому при решении проблемы стадийного положения маргаритовской культуры приходится исходить из имеющегося материала и учитывать прежде всего особенности традиций изготовления каменных орудий и керамической посуды.

Своеобразие комплекса каменного инвентаря маргаритовских памятников заключается в наличии развитого набора ретушированных орудий при практически полном отсутствии шлифованных (техника шлифования применялась только для изготовления украшений и каменных «шашек»). Это, по мнению исследователей, сближает каменный инвентарь маргаритовской культуры с эпохой неолита [Андреева, Студзицкая, 1987, с. 355; Бродянский, 1987, с. 157] и является одним из аргументов для отнесения данной культуры к периоду финального неолита [Ключев и др., 2010, с. 97]. Однако при сравнении каменного инвентаря маргаритовских памятников с инвентарем памятников эпохи бронзы (Лидовка-1, Благодатное-3 и др.) [Дьяков, 1989; Сидоренко, 2007] отмечается практически полное совпадение основных типов ретушированных орудий. Шлифованные орудия, появившиеся в классических памятниках эпохи бронзы, не вытесняют ретушированные, а лишь дополняют их в тех сферах жизнедеятельности, где применение техники шлифования камня было целесообразнее (шлифованные наконечники стрел, крупные рубящие орудия для деревообработки, жатвенные ножи). В то же время в синхронных комплексах приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры на-

блюдается деградация техники отжимного ретуширования (она применяется для производства практически одной массовой категории орудий — наконечников стрел) и широкое использование именно шлифования камня [Крутых, Коломиец, 2010, с. 86–87]. Поэтому такой признак, как развитый набор ретушированных орудий, сам по себе не является маркером ни позднего, ни тем более финального неолита и в равной степени может характеризовать эпоху как неолита, так и палеометалла. На наш взгляд, длительное сохранение традиции ретуширования камня на памятниках эпохи палеометалла Юго-Восточного Приморья связано с наличием здесь месторождений качественного каменного сырья, пригодного для расщепления. Что касается находок шлифованных наконечников копий и кинжалов, имитирующих металлические оригиналы (реплики), то они встречаются на более поздних памятниках эпохи бронзы Приморья. Однако, являясь неутилитарными предметами, знаками социального престижа, реплики показывают лишь то, что у людей сформировалось устойчивое представление о внешней форме и цвете металлических оригиналов, их ценности, а не свидетельствуют о степени их знакомства с металлообработкой.

В связи с проблемой знакомства носителей маргаритовской культуры с металлообработкой авторы хотели бы остановиться на находках трех абразивов в жилищах поселения Ольга-10. Все они характеризуются небольшими размерами и мелкозернистой структурой. Отметим абразив из осланцованного известняка с характерным участком сработанности округлой формы (диаметром 4,5 см), на поверхности которого расположен желобок с ярко выраженными линейными следами (рис. 2, 15). Он имеет очень тонкозернистую структуру и малую твердость, поэтому применение его возможно только для обработки металла [Деревянко, 2013, с. 291]⁴. На более поздних памятниках эпохи палеометалла Приморья портативные абразивы пирамидальной формы с тонкозернистой структурой становятся обычной находкой.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что комплекс каменного инвентаря маргаритовской культуры имеет больше черт, сближающих его с эпохой бронзы, чем с неолитом. Другими словами, в каменной индустрии маргаритовской культуры наблюдаются признаки, которые спустя несколько столетий практически полностью войдут в типологию памятников эпохи бронзы юго-восточного побережья Приморья (лидовской культуры).

Основные признаки керамического комплекса маргаритовской культуры некоторыми исследователями также оцениваются как неолитические [Яншина, 2004, с. 113; Яншина, Ключев, 2005а, с. 184]. Однако следует отметить, что степень сходства маргаритовской керамики с синхронными или хронологически близкими керамическими комплексами неолита и палеометалла Приморья прослеживается по отдельным признакам или общим тенденциям в развитии гончарства. Своеобразие изучаемой керамики состоит прежде всего в том, что различные технико-технологические, морфологические и орнаментальные признаки соответствуют традициям двух стадийных уровней развития гончарства — позднему неолиту и палеометаллу.

1. Признаки, характерные для гончарства позднего неолита: температурный и газовый режим обжига посуды; простейшие формы сосудов без четко выделенной горловины; наличие сосудов с угловым перегибом тулова в зоне экватора (рис. 2, 16–20); присутствие в комплексе «изящных» сосудов (рис. 2, 21), отличающихся от основной кухонной посуды лучшим качеством лощения, формой и орнаментацией.

2. Признаки, появившиеся в позднем неолите и закрепившиеся в эпоху бронзы: обмазка стенок дополнительным слоем глины с последующим лощением; окрашивание сосудов в малиновый цвет; оформление венчика сосудов треугольным налепным валиком с его последующей орнаментацией; наличие в ассортименте посуды мисок и чаш.

3. Признаки, характерные для керамических традиций эпохи бронзы: использование дробленого моллюска в качестве отощающей примеси в формовочных массах; конструирование сосудов из лент со специально уплощенными краями для крепления внахлест; применение выбивки при формовке изделий; локализация орнамента на венчике и гладкие стенки тулова.

«Изящные» сосуды маргаритовской культуры с зауженным устьем и орнаментом на плечах в виде расходящихся лучей, выполненных в технике отступания, находят аналоги в материалах поселения эпохи бронзы в Пади Харинской, хотя мотивы орнамента различны [Дьяков, 1989, табл. 47]. К уникальным чертам маргаритовского керамического комплекса, отличающим его от

⁴ Окончательный вывод о функциональной принадлежности этих находок возможен после проведения ряда анализов.

комплексов позднего неолита и эпохи бронзы, следует отнести орнамент из вертикально ориентированных оттисков штампа, нанесенных вдоль края сосуда на верхнюю грань венчика-карниза, а также ассортимент посуды, в котором отсутствуют вытянутые по вертикали формы и специализированные тарные емкости.

Совокупность перечисленных признаков позволяет сделать вывод о переходном характере маргаритовского гончарства, в котором сохраняются и развиваются некоторые поздненеолитические традиции и появляются новации, ставшие традиционными в последующее время в культурах эпохи бронзы.

Заключение

Таким образом, учитывая особенности изготовления каменных орудий и керамической посуды, маргаритовскую культуру в стадильном отношении логичнее отнести к началу эпохи палеометалла. На основе некоторых поздненеолитических традиций в этой культуре формируются признаки, которые вместе с другими новациями эпохи палеометалла станут характерными для классических культур эпохи бронзы (прежде всего лидовской культуры). Несмотря на выявленную преемственность от поздненеолитических традиций мы пока не можем однозначно определить комплексы, на основе которой могла возникнуть маргаритовская культура. В литературе проблема формирования культур эпохи палеометалла Приморья не нашла достаточного обоснования. Чаще всего маргаритовскую и лидовскую культуры связывают с зайсановскими памятниками Юго-Восточного Приморья (Рудная Пристань, Под липами, Сопка Большая, Евстафий-4) на основании сходства в оформлении венчика наlepным валиком [Дьяков, 1989, с. 220; Сидоренко, 2007, с. 117–118; Яншина, Ключев, 2005б, с. 204], что, на наш взгляд, явно недостаточно.

Находки остатков культурного проса в двух маргаритовских памятниках, по нашему мнению, позволяют сделать вывод о присутствии у маргаритовцев земледелия, основанного на выращивании двух видов культурного проса. Земледелие, вероятно, не являлось ведущим компонентом экономики маргаритовского населения. На это указывают прямые и косвенные признаки: преобладание среди обнаруженных карпоидов поселения Ольга-10 остатков пищевых дикорастущих растений, состав каменного инвентаря маргаритовских комплексов (доминирование среди морфологически выраженных изделий орудий охоты и обработки добычи), топография памятников, приуроченных к морскому побережью или устьям рек, что свидетельствует о большом значении эксплуатации водных (морских, речных) биоресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреева Ж.В. Древнее Приморье: (Железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.
- Андреева Ж.В., Студзицкая С.В. Бронзовый век Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 351–363.
- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Шаповалов Е.Ю. Пхусунский комплекс памятника Ольга-10 в Восточном Приморье: Проблемы выделения и культурно-хронологической интерпретации // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 230–243.
- Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. 276 с.
- Валентин-перешеек — поселок древних рудокопов / Ж.В. Андреева, А.В. Гарковик, И.С. Жущиховская, Н.А. Кононенко. М.: Наука, 1987. 248 с.
- Деревянко Е.И. К проблеме бронзового века на Дальнем Востоке // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 287–297.
- Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1989. 296 с.
- Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 141–147.
- Ключев Н.А., Гарковик А.В., Яншина О.В., Слепцов И.Ю. Финальный неолит Приморья: К итогам разработки некоторых проблем // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальными и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 88–97.
- Ключев Н.А., Яншина О.В. Новые материалы по эпохе палеометалла Приморья. Поселение Глазковка-2 // Вопр. археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1997. С. 18–30.

С.В. Батаршев, Е.А. Сергушева, О.Л. Морева, Н.А. Дорофеева, Е.Б. Крутых

Крутых Е.Б., Коломиец С.А. Финальный неолит Приморья: Состояние изученности, концепции, перспективы исследований // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 79–93.

Крутых Е.Б., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Сергушева Е.А. Проблемы интерпретации неолитического комплекса памятника Гвоздево-4 (Южное Приморье) // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 176–190.

Сергушева Е.А. Семена и плоды с поздненеолитического поселения Реттиховка-Геологическая: (Предварительные результаты) // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia 2. Univ. of Kumamoto, 2006. P. 1–11.

Сергушева Е.А. Использование растительных ресурсов населением Приморья в эпоху неолита — раннего металла (По археоботаническим данным поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008а. 30 с.

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: Археоботанические исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2008б. Вып. 6. С. 180–195.

Сергушева Е.А., Ключев Н.А. К вопросу о существовании земледелия у неолитических обитателей поселения Новоселище-4 (Приморский край) // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2006. Ч. I. С. 119–127.

Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 271 с.

Слепцов И.Ю. Жилища маргаритовской культуры: (По материалам полевых исследований поселения Преображение-1) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. Ч. I. С. 154–158.

Яншина О.В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 212 с.

Яншина О.В., Ключев Н.А. Маргаритовская археологическая культура Приморья и ее место в археологической периодизации // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005а. Ч. I. С. 181–185.

Яншина О.В., Ключев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: Критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005б. С. 187–233.

Cassidy J.D. The Margarita Culture of Coastal Primorye: An Examination of Culture Change During the Middle Holocene on the Northern Sea of Japan: Dissertation for the degree of PhD in Anthropology. Santa Barbara: Univ. of California, 2004. 479 p.

Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I. On the Margarita archaeological culture: Bronze Age or Final Neolithic? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 300–302.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto, 2004. 58 p.

**Владивосток, Дальневосточный федеральный университет
batar1980@mail.ru
krutykh_e@mail.ru
**ИИАЭ ДВО РАН
lenaserg@front.ru
morevaol@gmail.com
dnaal@list.ru*

The article considers topical problems of studying the Margaritovka archaeological culture in Primorye. Basing on the investigations of materials from the settlement of Olga-10, subject to development being technical-morphological and typological criteria of the Margaritovka culture. The authors substantiate a chronological and stadial position of the Margaritovka complexes, drawing a conclusion on their belonging to a period of early paleometal. A strong emphasis is made on studying seeds of cultivated plants from the settlement of Olga-10, and a role of agriculture in the sustainment of the bearers of the Margaritovka culture.

Early paleometal, the Margaritovka culture, typology, chronology, periodization, agriculture, Primorye, Far East.